

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Научная статья

УДК 81`25

DOI: 10.18384/2949-5075-2024-5-6-17

О ВЗАИМОСВЯЗИ МЕЖДУ КОРРЕКТНОЙ ПЕРЕДАЧЕЙ НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМОЙ РЕЧИ И АДЕКВАТНЫМ ПЕРЕВОДОМ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Алимова А. Д.

Московский государственный лингвистический университет, 119034, г. Москва,

ул. Остоженка, д. 38, стр. 1, Российская Федерация

e-mail: alimovaad@gmail.com

Поступила в редакцию 09.04.2024

После доработки 02.05.2024

Принята к публикации 24.05.2024

Аннотация

Цель. Установить взаимосвязь между корректной передачей несобственно-прямой речи и адекватностью текста перевода.

Процедура и методы. Основными методами исследования стали сопоставительный анализ текста оригинала и текста перевода, а также количественный анализ отдельных структур несобственно-прямой речи. В качестве материала исследования были выбраны произведения русской, британской и американской литературы, написанные в XX веке, и их переводы на русский и английский языки соответственно.

Результаты. Было установлено, что между корректной передачей несобственно-прямой речи и адекватностью текста перевода существует взаимосвязь. В результате некорректного выбора способа передачи несобственно-прямой речи или отказа от её передачи текст перевода теряет текстовую интерференцию и экспрессивность, что может привести как к стилистической стандартизации, так и к искажению смысла текста.

Теоретическая и практическая значимость заключается в том, что полученные результаты можно использовать в работе переводчиков художественной литературы, а также при обучении переводу.

Ключевые слова: адекватность, закономерное соответствие, несобственно-прямая речь, перевод, переводоведение

Для цитирования:

Алимова А. Д. О взаимосвязи между корректной передачей несобственно-прямой речи и адекватным переводом художественного текста // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 5. С. 6–17. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-5-6-17>

Original research article

ON THE CORRELATION BETWEEN THE CORRECT TRANSLATION OF FREE INDIRECT SPEECH AND THE ADEQUACY OF THE TARGET LITERARY TEXT

A. Alimova

*Moscow State Linguistic University, ulitsa Ostozhenka 38 build. 1, Moscow 119034,
Russian Federation
e-mail: alimovaad@gmail.com*

Received by the editorial office 09.04.2024

Revised by the author 02.05.2024

Accepted for publication 24.05.2024

Abstract

Aim. To establish the correlation between the correct translation of free indirect speech and the adequacy of the target literary text.

Methodology. The main methods include the comparative analysis of the source text and the target text, and the quantitative analysis of free indirect speech patterns. Data for this study have been collected from Russian, British and American 20th-century novels, and their translations into English and Russian respectively.

Results. The findings suggest that there is a correlation between the correct translation of free indirect speech and the adequacy of the target literary text. The study shows that using incorrect free indirect speech patterns in translation or no free indirect speech at all where it should be makes the target text either less expressive or less ambiguous due to the lack of textual interference, which can lead to both stylistic standardization and misinterpretation of the target text.

Research implications. The results can be applied both by fiction translators and students learning to detect free indirect speech in literary texts and translate it correctly.

Keywords: adequacy, correlation of patterns, free indirect discourse, free indirect speech, translation, translation studies

For citation:

Alimova, A. D. (2024). On the correlation between the correct translation of free indirect speech and the adequacy of the target literary text. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 5, pp. 6–17. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-5-6-17>

Введение

Несобственно-прямая речь (НПР) – достаточно широко распространённый в современной литературе художественный приём. Выполняя множество совершенно различных функций, НПР в целом отличается довольно сложным языковым построением, основанным на взаимодействии текста автора и текста персонажа, или, в терминологии В. Шмида, «текстовой интерференции» [1]. Соответственно, подобное построение представляет трудность для переводчиков, которым

необходимо не только распознать данный художественный приём в тексте, но и передать его средствами переводящего языка (ПЯ). При этом отказ от передачи НПР может отрицательно сказаться на адекватности всего текста перевода.

Целью данного исследования стало установление связи между корректной передачей НПР и адекватностью текста перевода. Для достижения этой цели необходимо было решить ряд задач. Во-первых, описать основные трудности, связанные с передачей НПР в языковой паре

«английский – русский». Во-вторых, проанализировать наиболее частые ошибки, возникающие при передаче НПП в переводе в языковой паре «английский – русский». В-третьих, определить, в какой степени данные ошибки влияют на качество перевода. Методы исследования включают в себя сопоставительный анализ текста оригинала и текста перевода, а также количественный анализ отдельных структур несобственно-прямой речи. В качестве материала исследования были отобраны по 30 произведений русской, британской и американской литературы XX века и их переводы на английский и русский языки соответственно. В каждом произведении для анализа был взят отрывок объёмом примерно 55 000 печатных знаков с пробелами. Такой подход, на наш взгляд, позволяет охватить большее число писателей, а значит, и большую вариативность моделей НПП, а также проанализировать подходы к передаче НПП, которых придерживались различные переводчики.

Далее мы рассмотрим причины возникновения у переводчиков трудностей, а также проанализируем конкретные решения, отрицательно повлиявшие на качество перевода.

Трудности при передаче НПП

Трудности, с которыми переводчики сталкиваются при передаче НПП, делятся на две основные группы: трудности, связанные с распознаванием художественного приёма в тексте оригинала, и трудности, связанные непосредственно с передачей НПП при переводе.

Распознать НПП может быть не просто по ряду причин. Во-первых, у НПП могут отсутствовать вводящие конструкции – языковые структуры, указывающие на то, что передаётся точка зрения персонажа. Согласно результатам проведённого нами количественного анализа на материале русской и англоязычной литературы XX века, вводящие конструкции отсутствуют примерно в половине всех случаев использования НПП (см. рис. 1).

Отсутствие вводящей конструкции в НПП можно наблюдать в следующем отрывке из романа М. Каннингема *“Flesh and Blood”*, в котором нет прямых указаний на то, что в двух вопросительных предложениях, представляющих собой НПП, передаются мысли героя.

(1) *Constantine's ears had filled with an echoing, oceanic sound. Was this the moment? Was she going to tell him it would be better if they didn't see each other for a while?* (M. Cunningham *“Flesh and Blood”*)¹

Во-вторых, НПП может быть немаркированной. Как было сказано выше, НПП является результатом интерференции текста автора и текста персонажа, следовательно содержит характерные черты текста автора и текста персонажа, которые мы будем называть маркерами. На фоне повествовательного текста НПП выделяется именно благодаря маркерам текста персонажа – языковым единицам различных уровней, отождествляемым с речью героя. В случае их отсутствия НПП никак формально не выделяется на фоне текста автора, такой случай языковой реализации НПП мы будем называть немаркированной НПП. Если в тексте встречается именно такая разновидность НПП, на её присутствие может указывать либо вводящая конструкция, либо общий контекст. Следует отметить, что немаркированная НПП встречается нечасто: таковыми являются 11% всех случаев использования НПП в англоязычной литературе и 7% – в русской. Рассмотрим пример немаркированной НПП без вводящей конструкции.

(2) *He picked her up and buried his face in her belly, pretending to bite her. The little body smelled of bed warmth and milk.* (I. McEwan *“Child in Time”*)²

В данном отрывке к НПП можно отнести последнее предложение: оно не имеет ни вводящей конструкции, ни маркеров

¹ Cunningham M. *Flesh and Blood*. New York: Picador, 2007. P. 9.

² McEwan I. *Child in Time*. New York: Anchor Books, 1999. P. 9.

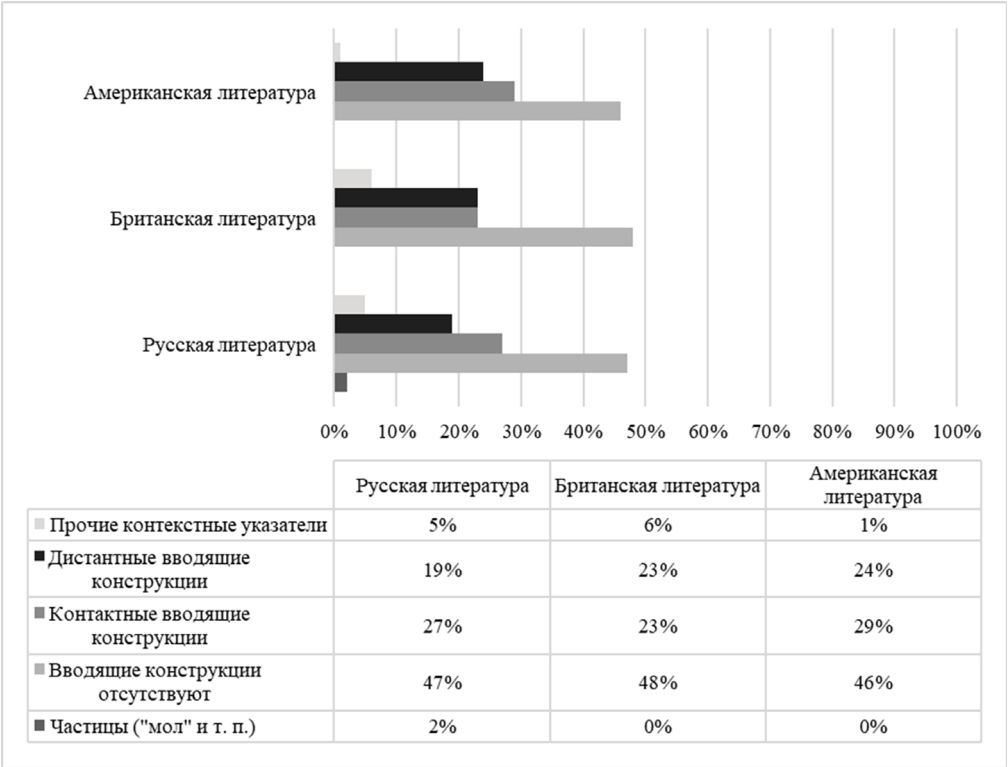

Рис. 1 / Fig. 1. Количественные характеристики способов ввода НПР (%) / Quantity of different ways of introducing free indirect speech (%)

Источник: составлено автором

текста персонажа, но по контексту становится понятно, что в этом предложении содержится восприятие героем своей дочери – маленького ребёнка, который утром, по мнению персонажа, пахнет молоком.

В-третьих, в НПР нет таких характерных черт, которые были бы свойственны только ей, в результате чего распознавание художественного приёма строится в большей степени на установлении отличий от прочих разновидностей чужой речи: прямой и косвенной речи, внутреннего монолога и т. д. [2; 3]. Так, НПР, в отличие от прямой речи, лишена кавычек; не может строиться в виде сложноподчинённого предложения с придаточным изъяснительным, что характерно для косвенной речи; в повествовательных текстах, написанных от 3-го лица, не предполагает использования местоиме-

ния «я» для обозначения персонажа, чьи мысли передаёт, что отличает её от внутреннего монолога и т. д.

Что касается трудностей, связанных с передачей НПР, то одна из основных сложностей заключается в том, что переводчику при передаче НПР средствами ПЯ необходимо сохранить степень текстовой интерференции. Помимо этого, следует учитывать частотность использования соответствующих структур в ПЯ, а также разграничивать общезыковое и индивидуально-авторское [4].

Влияние способа передачи НПР на адекватность перевода

Оценка качества передачи НПР, разумеется, сопряжена с оценкой адекватности перевода вообще. Говоря об адекватности перевода, мы будем понимать её в

соответствии со взглядами А. Д. Швейцера, который писал, что «адекватность отвечает на вопрос о том, соответствует ли перевод как процесс данным коммуникативным условиям» [5, с. 95]. Конечно же, переводчик художественной литературы имеет дело с переводом как результатом, но, как пишет Д. М. Бузаджи, размышляя об определении понятия «перевод», перевод-процесс подразумевает процесс, направленный на получение перевода-текста и наоборот [6]. Опираясь на данное утверждение, мы можем заключить, что адекватный перевод, будучи результатом процесса перевода, отвечающего коммуникативным условиям, сам им тоже отвечает.

При этом замысел автора в тексте раскрывается постепенно, благодаря следованию друг за другом семантических блоков, отличающихся целостностью и самостоятельностью [7]. Рассмотрение подобных компактных смысловых блоков позволяет изучать их вклад в процесс формирования идейно-эстетического замысла автора и его отражения в переводах [7]. Исходя из этого утверждения, считаем возможным рассмотреть влияние способа передачи НПР как отдельного смыслового блока на адекватность текста перевода вообще.

НПР может выполнять в тексте широкий спектр функций [8; 9; 10], которые, на наш взгляд, можно разделить на сюжетоформирующие и стилистические. К первой группе функций относится передача произнесённой речи, представление содержания мыслей, репрезентация чувств и передача восприятия ситуации. Вторая группа охватывает функции НПР, позволяющие автору решать стилистические задачи. Так, к стилистическим функциям относится создание эффекта неопределённости (завуалированности), внесение в текст повествования «живой речи», ирония, архаизация, литературная стилизация и т. д.

Исходя из этого, если переводчик некорректно передаёт структуры НПР или

вообще отказывается от их передачи без компенсации, текст перевода может потерять либо с содержательной стороны (например, мысли персонажа перейдут в авторский текст), либо со стилистической (произождёт стандартизация). Под стандартизацией мы, вслед за В. К. Ланчиковым, понимаем передачу «авторского приема общезыковыми средствами», в результате чего теряется индивидуальность текста, а «голоса автора и героев звучат с одной безличной интонацией» [11, с. 15]. При этом если некорректная передача НПР носит системный характер, то можно говорить и о неправильно выбранной стратегии перевода [12].

Рассмотрим примеры.

(3) “How peculiar,” Draeger mutters, trying to keep any sound of alarm from his voice. Never show alarm, he always maintained (K. Kesey “Sometimes a Great Notion”)¹.

– Странно, – бормочет Дрэгер, стараясь ничем не выдать своего беспокойства. Он считает, что волнение всегда надо скрывать (К. Кизи «Порою нестерпимо хочется...», пер. М. Ланиной)².

В данном отрывке НПР представлена предложением *Never show alarm, he always maintained*. В оригинале текстовая интерференция достигается, в частности, благодаря использованию повелительного наклонения – маркера текста персонажа: подобные конструкции более типичны для текста персонажа и, соответственно, выделяются на фоне чисто авторского повествовательного текста. Кроме того, в данном отрезке текста, содержащем НПР, вводящая конструкция располагается постпозиционно: лишь после прочтения непосредственной НПР и перехода к вводящей конструкции становится полностью понятно, что в первой части предложения представлена позиция персонажа.

¹ Kesey K. *Sometimes a Great Notion*. London: Penguin Classics, 2006. P. 7.

² Кизи К. *Порою нестерпимо хочется...* / пер. с англ. М. Ланиной. СПб.: Лениздат, 1993. С. 7.

В переводе же НПП преобразована в косвенную речь. С одной стороны, несмотря на использование другой разновидности чужой речи, в переводе сохраняется передача точки зрения героя. С другой стороны, данный отрывок теряет текстовую интерференцию и, соответственно, завуалированность. Перевод, по сравнению с оригиналом, становится менее экспрессивным: исчезает и повелительное наклонение, и неожиданный переход от прямой передачи речи персонажа к её более завуалированному варианту. В тексте перевода переход становится более плавным и опосредованным в результате указания на автора высказывания в главной части сложноподчинённого предложения, с помощью которого строится косвенная речь. Таким образом, в данном случае в переводе происходит стандартизация, и перевод значительно уступает оригиналу с точки зрения стилистики.

В то же время переводчики, решающие не передавать при переводе НПП, не всегда заменяют её структурами косвенной речи, иногда выбор падает и на прямую речь.

(4) Он решительно надел картуз, взял стек, быстро прошел, звеня шпорами, по пустому коридору, сбежал по крутой лестнице на подъезд... Да, но куда идти? (И. А. Бунин «Солнечный удар»)¹

He put his hat on decisively, picked up his riding crop, and quickly passed through the empty corridor, his spurs chinking. "But where am I going?" he wondered as he bolted down the steep wooden stairs (I. Bunin "Sunstroke", trans. by G. Hettlinger)².

Так, в приведённом отрывке из рассказа И. А. Бунина «Солнечный удар» НПП представлена последним вопроси-

тельным предложением с частицей «да», не имеющим вводящих конструкций. Помимо обозначенных маркеров, на то, что данный отрывок является НПП, указывает и предшествующее многоточие, свидетельствующее о паузации [13]: герой спустился по лестнице, но вдруг осознал, что не имеет ни малейшего представления о дальнейших действиях. В переводе же НПП передана в виде прямой речи. В результате такого решения авторство вопроса становится очевидным: появляется указание на персонажа *he wondered* и кавычки. Задумчивость героя, а также почти что риторический характер вопроса исчезают.

Ещё одним примером неудачной передачи НПП может служить отрывок из романа К. Кизи "Sometimes a Great Notion". Однако в данном случае неудачное решение переводчика приводит не только к стилистической стандартизации, но и к затруднениям в понимании смысла отрывка.

(5) The rain hums against the roof overhead. Draeger pushes the book away, then pulls it back. *Rubbish; she doesn't* – He tries to situate himself more comfortably in the wooden chair, hoping to overcome the unruly feeling of disorientation that has been building ever since he twisted that focus knob. "Nonsense." *But that's the trouble, that is the trouble...* "This is senseless." He pushes the book away again. *It is nonsense.* (K. Kesey "Sometimes a Great Notion")³

Наверху по крыше шумит дождь. Дрэгер отталкивает альбом, потом снова подвигает его к себе. «Чушь, она не может...» Он пытается поудобнее устроиться на деревянном стуле в надежде, что ему удастся победить это странное ощущение собственной потерянности, которое овладело им в тот момент, когда он навел фокус бинокля. «Чушь». *Но это действительно неприятность, и большая неприятность. «Это бессмысленно».* Он снова

¹ Бунин И. А. Солнечный удар // Бунин И. А. Собрание сочинений: в 9 т. М.: Художественная литература, 1966. Т. 5. С. 241.

² Bunin I. Sunstroke / trans. by G. Hettlinger // Sunstroke: Selected Stories of Ivan Bunin. Chicago: Ivan D. Ree, 2002. P. 8.

³ Kesey K. Sometimes a Great Notion. London: Penguin Classics, 2006. P. 13.

отодвигает от себя альбом. «Это – ерунда» (К. Кизи «Порою нестерпимо хочется...», пер. М. Ланиной)¹.

В данном отрывке присутствуют сразу две разновидности чужой речи: прямая речь и НПР. При этом, если прямая речь, как и бывает обычно, выделяется пунктуационно, двоеточием, и служит для передачи в данном случае произнесённой речи, то НПР выполняет функцию представления содержания мыслей персонажа, на основе чего возникает контраст между тем, что герой подумал и что сказал. НПР не имеет вводных конструкций, однако во всех трёх случаях выделена курсивом. Кроме того, на представление мыслей героя указывает также присутствие сокращений (*doesn't, that's*), экспрессивных оценочных лексем (*rubbish, nonsense*), повтор и незаконченность мысли. Переводчик же передаёт НПР непоследовательно: первый случай использования НПР преобразован в прямую речь с сохранением курсивного выделения, второй – остаётся в виде НПР и также выделен с помощью курсива, третий же – снова преобразован в прямую речь, но без курсивного выделения. Таким образом, из трёх случаев использования НПР в переводе сохраняется только один, который в целом уступает оригинальной НПР по степени экспрессивности: из маркеров текста персонажа сохранены только оценочная лексема и повтор. Однако, помимо стилистической стандартизации, передача структур НПР подобным образом приводит и к затруднениям в восприятии текста читателем: в переводе совершенно непонятно, где прозвучавшая речь, а где представлены мысли героя. При этом, если в первом случае переводчик хотя бы сохранил курсивное выделение (хотя это в целом избыточно, учитывая, что оба средства выделения выполняют цитатную функцию [14]), то последний совершенно не отличается от

передачи в отрывке произнесённой речи. Всё это отрицательно сказывается на адекватности текста перевода.

Кроме того, отказ от передачи НПР не всегда сводится к использованию вместо неё прямой или косвенной речи. Иногда переводчик устраняет вообще указание (например, в виде главного предложения в косвенной речи) на передачу речи или мыслей персонажа и отказывается от воссоздания в переводе текстовой интерференции, из-за чего оценочное суждение или любая другая фраза героя превращается в констатацию факта «всезнающим» автором.

(6) Побурел спирт от крови, отвратным на вид сделался. Затосковали парни, ждут: чего дальше будет? (В. П. Астафьев «Царь-рыба»)².

The spirit had turned dark red from the blood and looked revolting. The two lads had come over all quiet waiting to see what would happen next (V. Astafiev "Queen Fish: A Story in Two Parts and Twelve Episodes", trans. by K. Judelson)³.

В приведённом выше примере НПР в тексте оригинала передаёт восприятие героями происходящего: молодые люди ожидают развития событий. НПР представлена частью сложного предложения в виде пояснения к глаголу «ждать» и вводится после двоеточия. Маркерами текста персонажа выступает использование «чего» вместо нормативного «что», а также вопросительное предложение. В результате НПР приобретает разговорность, что чётко характеризует особенности восприятия обычных «парней». В тексте перевода же весь отрывок перенесён в план авторской речи в виде придаточной части сложноподчинённого пред-

¹ Кизи К. Порою нестерпимо хочется... / пер. с англ. М. Ланиной. СПб.: Лениздат, 1993. С. 14.

² Астафьев В. П. Царь-рыба // Астафьев В. П. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Мол. гвардия, 1981. Т. 4. С. 27.

³ Astafiev V. Queen Fish: A Story in Two Parts and Twelve Episodes / trans. by K. Judelson. M.: Progress Publishers, 1982. P. 44.

ложения, следующей после *to see what*, и не содержит каких бы то ни было разгворных маркеров.

Если в приведённом выше примере потеря в большей степени стилистическая, то в ряде случаев отказ от воссоздания в переводе текстовой интерференции может повлечь за собой и искажение смысла.

(7) Glover was keen on golf. In order to keep himself in condition for the game on board ship he had a weighted club, its head on a spring, which he swung, he said, a hundred times morning and evening (E. Waugh "The Ordeal of Gilbert Pinfold")¹.

Главер был помешан на гольфе. Дабы сохранить на корабле спортивную форму, он взял с собой нагруженную клюшку с пружиной в рукоятке и утром и вечером делал по сто махов (И. Во «Испытание Гилберта Пинфолда», пер. В. Харитоновой)².

В приведённом выше примере из романа И. Во НПР представлена вторым предложением и имеет включённую вводящую конструкцию *he said*. Помимо завуалированности, достигаемой за счёт расположения вводящей конструкции – читатель понимает, что передаётся речь персонажа, лишь в середине предложения, – важность использования НПР заключается в том, что она указывает на произнесённую речь персонажа: рассказчик не знает наверняка, делает ли Гловер по сто махов, он лишь передаёт читателю услышанное от самого героя. В переводе же из-за потери НПР складывается впечатление, что выполнение героем указанного упражнения – объективный факт, о котором читателю рассказывает автор.

При этом следует отметить, что в проанализированном материале НПР была передана иными средствами в 15% случаев, однако отказ от передачи НПР

не всегда ведёт к стилистическим потерям. Пример подобного решения, не повлиявшего на общую адекватность текста перевода, можно обнаружить в переводе романа Дж. Ирвинга "The World According to Garp", выполненном М. Литвиновой и Е. Комиссаровым.

(8) "And the father? What was he like?" A bum, many thought. A swine, a lout, a liar—a no-good run-out fuck-around of a man! But he's dead! sobbed a few.

"Then you're better off, aren't you?" Jenny asked (J. Irving "The World According to Garp")³.

– Ну а отец? Что он собой представлял?

– Бездельник, каких мало – отвечали почти все.

– Обманщик, грубиян, никуда не годный, мерзкий, пропащий тип. Но ведь его больше нет! – всхлипывали иные.

– Видите, как вам повезло, – подытоживала Дженни (Дж. Ирвинг «Мир от Гарпа», пер. М. Литвиновой, Е. Комиссарова)⁴.

В данном отрывке героиня Дженни убеждает молодых матерей в том, что отсутствие мужа в их жизни, будь то потому, что он погиб на войне или их просто бросил, – это вовсе не плохо. При этом речь Дженни представлена в виде прямой речи, а речь отвечающих на её воззвания матерей – в виде НПР, причём двух (обе следуют за первой репликой Дженни), вводимых в текст произведения посредством постпозиционных вводящих конструкций (*many thought, sobbed a few*). Переводчики же включили обе НПР в диалог, сделав их двумя отдельными репликами. Такое решение представляется вполне удачным, поскольку данные НПР характеризуются низкой степенью текстовой интерференции, а также содержат большое количество маркеров текста

¹ Waugh E. The Ordeal of Gilbert Pinfold. London: Penguin Classics, 2006. P. 37.

² Во И. Испытание Гилберта Пинфолда / пер. с англ. В. Харитоновой. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1992. С. 25.

³ Irving J. The World According to Garp. New York: Ballantine Books, 1990. P. 13.

⁴ Ирвинг Дж. Мир от Гарпа / пер. с англ. М. Литвиновой, Е. Комиссарова. М.: Новости, 1992. С. 10–11.

персонажа, характеризующихся разговорностью: эмоциональная и экспрессивная лексика (*bum, swine, no-good run-out fuck-around of a man*), сокращённая форма глагола. Кроме того, вторая НПР отличается нетипичной пунктуацией: восклицательный знак расположен до вводящей конструкции, которая начинается со строчной буквы. В переводе же вся экспрессивность и эмоциональность НПР сохранена, а сокращённая грамматическая форма компенсирована усилительной частицей «ведь». При этом нельзя сказать, что отказ от передачи НПР в данном месте произошёл без компенсации: в целом в тексте перевода содержится даже больше случаев использования НПР, чем в оригинале (частотность использования НПР составляет 0,9 на страницу перевода по сравнению с 0,77 в тексте оригинала).

Следует также отметить, что в целом в случае отказа от передачи НПР решение заменить НПР на прямую речь представляется стилистически более удачным, нежели на косвенную. Это связано с тем, что модели прямой речи более свободны, поскольку имитируют разговорную речь, в то время как косвенная речь помещена в рамки сложноподчинённого предложения и не предполагает существенных отклонений в структуре (даже при построении свободной косвенной речи).

На общую адекватность текста перевода влияет также выбор моделей построения НПР. Так, использование переводчиком нетипичных для ПЯ моделей НПР затрудняет восприятие художественного приёма читателем и даже может привести к потере художественного приёма в тексте перевода. Это касается выбора как вводящей конструкции, так и средств создания текстовой интерференции.

(9) Wilt tried to control his temper and for once found it impossible. There was something incredibly arrogant about Printers Three. (T. Sharpe "Wilt")¹

Уилт хотел сдержаться, но не смог справиться с собой. Этот класс наборщиков был невероятно нагл и самонадеян (Т. Шарп «Уилт», пер. Т. Матц)².

Так, в приведённом выше примере НПР, представляющая собой последнее простое предложение, выполняет функцию передачи мыслей героя – оценки наборщиков. Художественный приём не имеет вводящих конструкций, распознать его возможно лишь благодаря наличию маркеров текста персонажа: экспрессивного наречия *incredibly*, усиливающего оценку *arrogant*, а также конструкции с неопределённым местоимением *something*, показывающей, что герой затрудняется с оценкой, не может определиться, почему наборщики кажутся ему неприятными. В переводе также использована оценочная лексика и усилительное наречие «невероятно», однако из-за выбора переводчиком прошедшего времени («был») последнее предложение, в оригинале представляющее собой НПР, в переводе таким не воспринимается, а скорее относится к авторскому повествованию. Это связано с тем, что в НПР в русском языке в подобных случаях используется настоящее время как способ описания субъективной временной ситуации, которую проживает персонаж [15; 16].

В следующем же примере из романа Дж. Джойса использование в НПР (второе предложение) нетипичного для русского языка указательного местоимения «это» в качестве формального подлежащего не приводит к потере художественного приёма, однако подобный буквализм затрудняет восприятие текста: для русского языка в таком случае более типично построение безличных предложений [17], которые в целом достаточно часто используются в русской НПР.

¹ Sharpe T. Wilt. London: Pan Books, 1978. P. 23.

² Шарп Т. Уилт / пер. с англ. Т. Матц. М.: Эксмо, 2010. С. 34.

(10) It was Wells who had shouldered him into the square ditch the day before because he would not swop his little snuff box for Wells's seasoned hacking chestnut, the conqueror of forty. It was a mean thing to do; all the fellows said it was (J. Joyce "A Portrait of the Artist as a Young Man")¹.

Это ведь Уэллс его столкнул накануне в жолоб в уборной за то, что он не стал меняться своей табакерочкой на его битку, на сорокаразовый каштан-чемпион. Это подло было так делать, все мальчики так сказали (Дж. Джойс «Портрет художника в юности», пер. С. Хоружего)².

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что НПР, выполняя множество разнообразных функций, играет важную роль в построении произведения, причём как с содержательной, так и со стилистической стороны. Поэтому отказ от передачи художественного приёма или выбор неудачного варианта его передачи может сказаться на общей адекватности текста перевода. При этом некорректная передача НПР может привести как к смысловым неточностям или даже искажениям, так и к стилистической стандартизации.

Основные ошибки при передаче НПР связаны, во-первых, с неспособностью переводчика распознать художественный приём, а во-вторых, с некорректным выбором способа передачи. Так, неправильные переводческие решения чаще всего приводят к потере текстовой интерференции, в результате чего отрывок текста полностью переходит в авторское повествование или превращается в прямую речь героя, а точка зрения персонажа либо вообще исчезает, либо становится выражена излишне прямолинейно. При этом в случае выбора для передачи НПР других разновидностей чужой речи модели прямой речи представляются более удачными, поскольку позволяют сохранить разговорность и экспрессивность НПР.

Исходя из этого, можно заключить, что НПР требует особого внимания при переводе художественного произведения, а решения, связанные с отказом от передачи художественного приёма, должны сопровождаться компенсацией.

Полученные выводы могут использоваться как при обучении художественному переводу, так и непосредственно при переводе художественной литературы в языковой паре «английский – русский».

ЛИТЕРАТУРА

1. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
2. McHale B. Speech Representation (2011) [Электронный ресурс] // The living handbook of narratology : [сайт]. URL: http://lhn.sub.uni-hamburg.de/index.php/Speech_Representation.html (дата обращения: 03.04.2024). DOI: 10.1515/9783110217445.434.
3. Rundquist E. Free Indirect Style in Modernism: Representations of Consciousness. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. 197 p. DOI: 10.1075/lal.29.
4. Псурцев Д. В. Частотно-типологическая модель перевода // Мосты. Журнал переводчиков. 2019. № 2 (62). С. 46–60.
5. Швейцер А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.
6. Бузаджи Д. М. К вопросу об определении понятия «перевод» // Мосты. Журнал переводчиков. 2011. № 2 (30). С. 44–55.
7. Симашко Т. В., Чалова Л. В. Структурирование художественного текста как основа для исследования его переводов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 1. С. 110–123. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-1-110-123.
8. Акимова Э. Н., Короткова А. А. Реализация функций несобственно-прямой речи в зависимости от контекста (на материале романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита») // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XX Кирилло-Мефодиевские чтения: материалы

¹ Joyce J. A Portrait of the Artist as a Young Man. London: Penguin Classics, 2003. P. 11.

² Джойс Дж. Портрет художника в юности / пер. С. Хоружего. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. С. 13–14.

- Международной научно-практической конференции (Москва, 22–24 мая 2019 года) / гл. ред. М. Н. Русецкая. М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2019. С. 25–30.
9. Загрядская Н. А. Функции несобственно-прямой речи в художественной литературе США начала XX века // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 5 (78). С. 405–407. DOI: 10.24411/1991-5497-2019-00158.
 10. Харлова Н. М. Несобственно-прямая речь в рассказах И. А. Бунина // Учёные записки Шадринского государственного педагогического университета (сетевой журнал). 2024. № 1 (3). С. 97–105. URL: <https://uzshspu.ru/journal/article/view/165> (дата обращения: 03.04.2024).
 11. Ланчиков В. К. Топография поиска. Стандартизация в языке художественных переводов и ее преодоление // Ланчиков В. К. Огранка смысла: очерки теории перевода (художественная литература и публицистика). М.: Р. Валент, 2018. С. 5–36.
 12. Руденко Е. С., Темирганова З. Б., Исаева Р. И. От переводческой ошибки к переводческой стратегии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. № 1. С. 129–142. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-1-129-142.
 13. Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка: учеб. для вузов по спец. «Журналистика»; 5-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1987. 399 с.
 14. Ланчиков В. К. Курсив без права передачи. О курсивном выделении в переводах художественной литературы // Мосты. Журнал переводчиков. 2020. № 1 (65). С. 32–42.
 15. Карцевский С. И. Из лингвистического наследия. Т. 2 / сост., пер., вступ. ст. и коммент. И. И. Фужерон, Ж. Брейар, Ж. Фужерон. М.: Языки славянской культуры, 2004. 296 с.
 16. Ригато С. Несобственно-прямая речь и её формы во второй части романа Ю. К. Олеши «Зависть» // Slavica tergestina. 1998. № 6. С. 163–196.
 17. Туринова О. О. Личные и притяжательные местоимения в русских переводных текстах англоязычной прозы: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2018. 259 с.

REFERENCES

1. Schmid, V. (2003). *Narratology*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury publ. (in Russ.).
2. McHale, B. (2011). Speech Representation. In: *The living handbook of narratology*. URL: http://lhn.sub.uni-hamburg.de/index.php/Speech_Representation.html (accessed: 03.04.2024). DOI: 10.1515/9783110217445.434.
3. Rundquist, E. (2017). *Free Indirect Style in Modernism: Representations of Consciousness*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. DOI: 10.1075/lal.29.
4. Psurtsev, D. V. (2019). Frequency-typological model of translation. In: *Bridges. Journal of translators*, 2 (62), 46–60 (in Russ.).
5. Schweitzer, A. D. (1988). *Translation Theory: Status, Problems, Aspects*. Moscow: Nauka publ. (in Russ.).
6. Buzadzhi, D. M. (2011). On the Definition of the Concept of “Translation”. In: *Bridges. Journal of translators*, 2 (30), 44–55 (in Russ.).
7. Simashko, T. V. & Chalova, L. V. (2022). Structuring of a literary text as a basis for the investigation of its translations. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 1, 110–123. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-1-110-123 (in Russ.).
8. Akimova, E. N. & Korotkova, A. A. (2019). Realization of functions of non-proper direct speech depending on context (on the material of M. Bulgakov's novel “The master and Margarita”). In: *Slavic culture: origins, traditions, interaction. XX Cyril and Methodius Readings: materials of the International scientific and practical conference (Moscow, May 22-24, 2019)*. Moscow: State Institute of Russian Language named after A. S. Pushkin publ., pp. 25–30 (in Russ.).
9. Zagryadskaya, N. A. (2019). Free indirect discourse in early 20th century American literature. In: *The world of science, culture and education*, 5 (78), 405–407. DOI: 10.24411/1991-5497-2019-00158 (in Russ.).
10. Kharlova, N. M. (2024). Improper-direct speech in the stories of I. A. Bunin. In: *Scientific Notes of Shadrinsk State Pedagogical University (online journal)*, 1 (3), 97–105. URL: <https://uzshspu.ru/journal/article/view/165> (accessed: 03.04.2024) (in Russ.).
11. Lanchikov, V. K. (2018). Topography of Search. Standardization in the Language of Literary Translations and How to Overcome It. In: Lanchikov, V. K. *Faceting Meaning: Essays on Translation Theory (Fiction and Journalism)*. Moscow: R. Valent publ., pp. 5–36 (in Russ.).

12. Rudenko, E. S., Temirhanova, Z. B. & Isaeva, R. I. (2021). From translation error to translation strategy. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 1, 129–142. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-1-129-142 (in Russ.).
13. Rosenthal, D. E. (1987). *Practical Stylistics of the Russian Language*. Moscow: Vysshaya shkola publ. (in Russ.).
14. Lanchikov, V. K. (2020). Italics without the right to transfer. On italic highlighting in translations of fiction. In: *Bridges. Journal of Translators*, 1 (65), 32–42 (in Russ.).
15. Kartsevskiy, S. I. (2004). *From the linguistic heritage. Vol. 2*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury publ. (in Russ.).
16. Rigato, S. (1998). Indirect Speech and Its Forms in the Second Part of Yu. K. Olesha's Novel "Envy". In: *Slavica tergestina*, 6, 163–196 (in Russ.).
17. Turinova, O. O. (2018). *Personal and possessive pronouns in Russian translated texts of English prose* [dissertation]. Moscow (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алимова Анастасия Дмитриевна (г. Москва) – кандидат филологических наук, доцент кафедры переводоведения и практики перевода английского языка переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета;

ORCID: 0009-0004-2447-2173; e-mail: alimovaad@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anastasia D. Alimova (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Translation Studies and English Translation, Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University;

ORCID: 0009-0004-2447-2173; e-mail: alimovaad@gmail.com